

А. О. Крылов

Московский Государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

«ПО ЕЛИКУ ПРОЦВЕТАЕТ РАЗУМ,
ПО ТОЛИКУ ВОЗРАСТАЕТ И ВЕРА»:
РАЗУМ, ВЕРА И «ВНЕШНЯЯ МУДРОСТЬ»
У СВТ. ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

В библиотеке святителя Димитрия Ростовского среди прочих фолиантов была и книга митрополита Исая Копинского «Лествица Духовная по Бозе жительства иноческого», известная впоследствии как «Алфавит духовный». Киевский владыка, пересказывая в первых главах своего сочинения учение о трёх ведениях из «Подвижнических слов» преподобного Исаака Сирина, составил настоящий гимн разуму, понимаемому именно как способность к рациональному мышлению. Центральная мысль труда киевского аскета: «по елику процветает разум, по толику возрастает и вера», а от неё — и добродетели, и надежда на Бога, и любовь. Безумие же делает невозможным всё вышеперечисленное.

В жизни Ростовского святителя эта идея воплотилась, пожалуй, наиболее ярко: Димитрий Савич был славен учёностью при жизни, а на его погребении митрополит Стефан Яворский возглашал: «Свят Димитрий, свят!» Попробуем же понять, какую цель видел святитель Димитрий в обладании «внешней мудростью».

Для начала посмотрим, из чего была составлена библиотека Димитрия, на что в первую очередь обращал свой разум прославленный владыка. Здесь можно выделить две основные группы латинских сочинений. Первая была призвана помочь ему в написании его *magnum opus*, Четий-Миней. К этой группе относятся многотомные агиографические и церковно-исторические сочинения, такие как *Acta Sactorum* и «История Церкви» кардинала Цезаря Барония. Назначение этих книг очевидно и не нуждается в специальных комментариях.

Страница из «Алфавита духовного». Издание конца XVIII в.

Куда интереснее для нас вторая группа. Это сочинения католических экзегетов Корнелия а Лапиде, Дидакуса де Безы и Франциска де Мендозы¹, в тесной связке с которыми идут разнообразны справочные издания вроде словарей или энциклопедий, таких как «Polyanteya» или Caleripin².

По мнению святителя Димитрия незнание Священного Писания лежит в основе дурной жизни народа. В «Розыске раскольничей брынской веры» он писал: «Бесчисленная бо злая раждаются от неведения Писаний. Оттуду прозябоша великия вреды еретичеств, оттуду житие неполезное, слепота душевная, прельщение диавольское»³. Рассуждать о вере должны «богословцы и правильные учителя, иже от юности жизнь свою в учениях изнуриша, имже Таины Божественного Писания откровенны суть, имже совершенный разум воссия»⁴. Тут-то и возникает потребность в изучении «внешних наук».

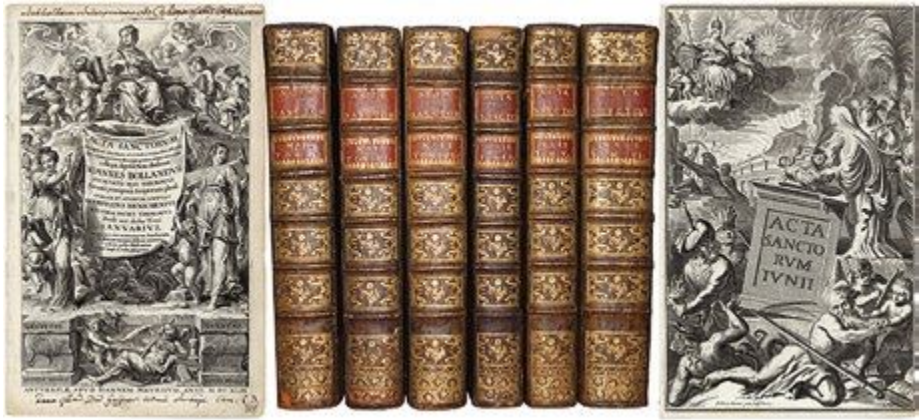
Находившиеся в библиотеке св. Димитрия обстоятельные работы иезуитских авторов представляли собой комментарии к текстам Священного Писания, составленные с привлечением последних достижений богослов-

¹ Янковская Л. А. Литературно-богословское наследие Святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Рукопись диссертации на соискания ученой степени доктора филологических наук. М., 1994. С. 132–191; 246–254; 254–264.

² Там же. С. 71.

³ Димитрий Ростовский, свт. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1855. С. 94; РГАДА Ф. 381. Оп. 1. Д. 352. Л. 73 об.

⁴ Димитрий Ростовский, свт. Розыск. Там же. С. 95. РГАДА Ф. 381 Оп. 1. Д. 352. Л. 74.

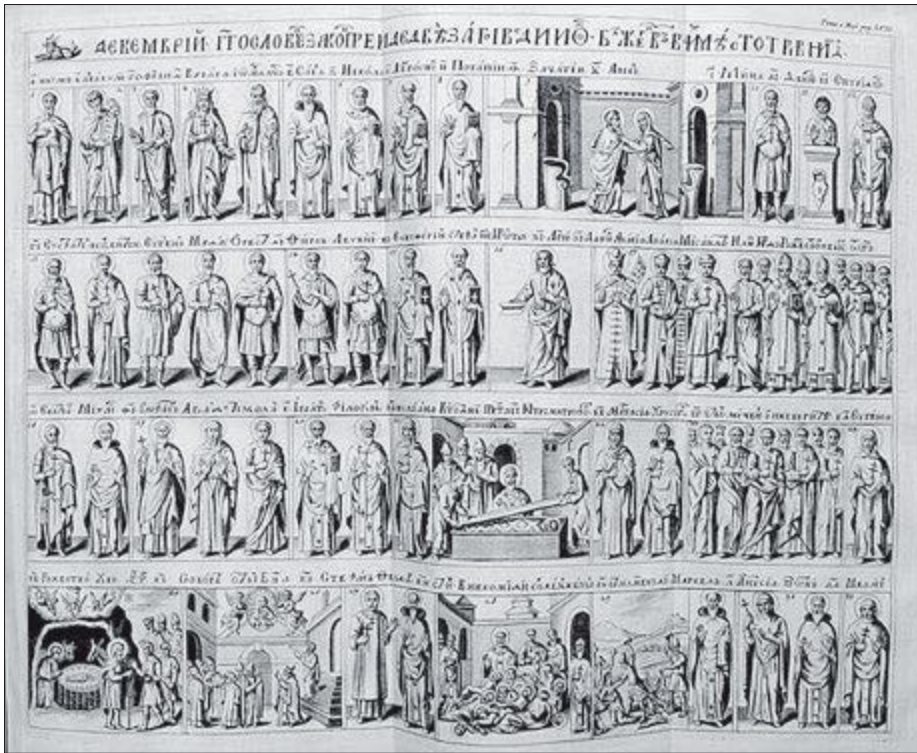

Acta Sactorum. Анверпен. 1643

ской науки Католической Церкви конца XVI–XVII веков. Посттридентская богословская мысль в полной мере использовала наследие Ренессанса: на помощь экзегету приходили и многочисленные цитаты из сочинений древних святых отцов, извлечённые из векового забвения гуманистами, и филология, позволявшая сравнивать тексты на греческом, латинском и древнееврейском, и наконец, история. Всё это превращало книги иезуитских экзегетов в настоящие библейские энциклопедии, насыщенные всевозможной информацией, необходимой для понимания смысла того или иного места Священного Писания. Многочисленные пометы, которыми испещрены тома латинских толкователей из библиотеки ростовского митрополита позволяют понять, что он постоянно пользовался ими, причём именно как энциклопедиями. Так, подавляющее большинство ссылок на труды иезуитских авторов, встречающихся в книгах и проповедях святителя Димитрия, на самом деле является цитированием святых отцов первого тысячелетия либо отсылкам к историческим фактам, способствующим правильному пониманию определённых мест Писания.

Однако овладеть премудростью латинских «экзегетических энциклопедий» могли лишь единицы, а в знаниях толкования Священного Писания нуждались тысячи. В первую очередь доступные толкования нужны были священникам. В «Розыске раскольничей брынской веры» св. Димитрий пишет, что истинное учение исходит от учителей «*ведущих Писания святого силу, и толковати е право могущих*»⁵. Поэтому в ростовском училище, призванном готовить будущих пастырей, преподавался латинский язык, бывший ключом к латиноязычным толкованиям. «В свободное от обычных своих занятий время святитель собирал способных учеников и толковал им некоторые книги из Ветхого Завета; в летнее время, проживая в архие-

⁵ Димитрий Ростовский, свт. Розыск. С. 93. РГАДА Ф. 381 Оп. 1. Д. 352. Л. 73.

Страница из Acta Sactorum. Анверпен. 1643

рейском селе Демьянах, он объяснял ученикам Новый Завет»⁶. Для учеников же писался и «Летопис Келейный» — сочинение, сочетавшее изложение событий Священной истории с дидактическими толкованиями⁷.

Предметом другой заботы святителя были «брыняне» — старообрядцы. «Розыск брынской веры» содержит целый ряд библейских толкований, посвящённых актуальным проблемам, вроде бритья бород. Из переписки св. Димитрия мы узнаём о его планах составить толкование на Псалтырь и Апокалипсис, так как обе библейские книги «бринские богословы не путиом толкуют»⁸.

При написании всех вышеперечисленных сочинений святитель активно пользовался католическими экзегетическими трудами, о чём свидетельствуют бесчисленные ссылки на полях этих книг⁹.

⁶ Титов А. А. Житие св. Димитрия, митрополита Ростовского, составленное по рукописям и печатным источникам. Ростов-Ярославский, 1902. С. 20.

⁷ См.: Калугин В. В. «Келейный летописец» Димитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 170–172.

⁸ Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследования и тексты. М., 2005. С. 100.

⁹ См.: Янковская Л. А. Указ. соч.

Однако никакие книги не могли насытить тот «*глад слышания слова Божия*»¹⁰ в народе, о котором бесконечно сокрушался св. Димитрий. Удовлетворить этот голод было возможно лишь с помощью устной проповеди, доступной для большинства православных христиан. Здесь вновь на помощь святителю приходило «внешнее знание», на этот раз уже в виде барочного искусства.

Итак, что же представляло собой искусство барочной проповеди к концу XVII века? Риторика с её пафосом убеждения пронизывала всё искусство барокко, и поэтому барочные художники неизменно ставили перед собой задачу воспитания зрителя и внушения ему определённых идей. Всё разнообразие художественных средств, в конечном счёте, было устремлено к этой цели, и проповеди это касалось в первую очередь.

Обратимся к одной из самых выдающихся фигур Католической Церкви второй половины XVII века поляку иезуиту Фоме Млозяновскому. Ему суждено было стать основоположником особого стиля проповеди, бывшего, пожалуй, кульминацией христианских интенций восточноевропейского барокко.

Св. Димитрий Ростовский ознакомился с сочинениями Фомы Млозяновского после 1686 года, и если из восточных отцов на творчество ростовского владыки наибольшее влияние оказал святитель Иоанн Златоуст, а из аскетов преподобный Иоанн Лествичник¹¹, то примером для подражания в области «последних достижений» гомилетики стал именно знаменитый польский проповедник. Святитель Димитрий внимательно изучал принадлежавшие ему тома проповедей Фомы Млозяновского и не только заимствовал у польского иезуита удачные пассажи¹², но и учился самому искусству использовать художественные средства барокко для нужд проповеди.

Одной из наиболее ярких черт барочной проповеди стал концепт, особый род метафоры, состоящий в сочетании понятий, на первый взгляд, не сочетаемых. Однако любопытно, что авторы XVII века, занимавшиеся теорией искусства, подчеркивали, прежде всего, значимость концепта как средства воздействия на чувства слушателей, как способ поразить их воображение и удивить. Интересно в связи с этим отметить такой факт: последние исследования в области психологии памяти показывают, что человеческое сознание устроено таким образом, что нарратив запоминается намного легче, если в нём содержатся контринтуитивные идеи. Например, текст со словосочетанием «длинношейей стол» запоминается куда проч-

¹⁰ Димитрий Ростовский, *свт.* Проповеди и поучения. С. 705.

¹¹ Зубов В. П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. С. 18–19.

¹² Федотова М. А. О двух источниках украинских проповедей Димитрия Ростовского (Фома Млозяновский и Корнелий а Лапиде) // ТОДРА. Т. 48. СПб., 1993. С. 346.

нее, чем со словосочетанием «деревянный стол». При этом контринтуитивные идеи не только запоминаются сами по себе, но и помогают вспомнить связанное с ними повествование¹³. Нетрудно увидеть, что барочные концепты в проповедях являются как раз идеальным примером подобных контринтуитивных идей, а их роль, соответственно, не ограничивается привлечением внимания слушателей, но и облегчает усвоение содержания проповеди. В проповедях концепты обыкновенно так или иначе обыгрывали эмблематическое толкование предметов природы или случаев из истории¹⁴.

Святитель Димитрий широко использовал этот приём в своих проповедях. Скажем, основная идея проповеди, произнесенной на слова «Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас» (Лк. 6 : 27) состоит в том, что любовь к врагам есть чудо. Гневливый человек сравнивается с волнующимся морем, с бушующим огнём, с разъярённым зверем; соответственно, тот, кто умиряет все эти напасти любовью, творит чудеса. Всевозможные диковинные «прилоги», сопровождающие рассуждения гомилета о каждом таком «чуде любви» помогают создать у слушателя ассоциации необычайности¹⁵. При этом активно привлекается светская эрудиция, познания из области гуманитарных и естественных наук, вроде уподобления гневливого человека тигру, беснующемуся от звука колоколов, и слону, укрощаемому мелодией флейты¹⁶.

Проповеди Фомы Млодзяновского выделялись на фоне современников тем, что он, по собственному заявлению, желал исполнять в своих проповедях обязанности профессора «позитивной теологии», то есть толкования Священного Писания¹⁷. На деле такая установка означала, что он стремился применять приём многозначной интерпретации не к предметам окружающего мира или отдельным словам, как это делали его современники, а непосредственно к библейскому тексту, радуя слушателей парадоксальными толкованиями и сопоставлениями.

Если для предшественников Млодзяновского *концепты*, употреблявшиеся в проповедях, были преимущественно толкованиями аллегорий, то у него *концепты* — это остроумные толкования Писания, в особенности такие, которые были бы как-то связаны с злободневными реалиями польской жизни¹⁸.

¹³ Norenzayan, A., Atran, S., Faulkner, J., Schallera, M. (2006). Memory and the mystery: the cultural selection of minimally counterintuitive narratives. *Cognitive Science*. № 30. P. 531–53.

¹⁴ Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII вв.: Польша, Украина, Россия. М., 1981. С. 208–210.

¹⁵ Там же. С. 644–643.

¹⁶ Димитрий Ростовский, свт. Проповеди и поучения. С. 645–646.

¹⁷ Цит по: Мацевич Л. Польский проповедник XVII века иезуит Фома Млодзяновский // Труды Киевской духовной академии. 1871. Т. 2. С. 510.

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 24.

Святитель Димитрий нередко пользовался подобным барочным толкованием в своих проповедях. Приведём лишь один пример. Поучение в 21-ю неделю по Святом Духе построено как толкование притчи о сеятеле (Лк. 8 : 5-8). Ростовский владыка, отталкиваясь от традиционного толкования — семя есть слово Божие, а земля сердце человеческое — отыскивает новый смысл: плевелы, насеваемые врагом, есть учение раскольников-брынян; птица же, клюющая из душ людей семена слова Божия, насеваемого православными учителями, есть диавол, «небесная птица, но уже свержена в ад», а потом поднявшаяся из преисподней и свившая себе гнездо в убежище старообрядцев, Брынских лесах¹⁹.

Для облегчения восприятия служил и особый стиль проповеди. В своё время Фома Млодзяновский прославился тем, что его проповеди были похожи на непринуждённую беседу. Нередко он задавал неожиданные вопросы и отвечал на них сам либо же предоставлял право голоса святым или Самому Господу, разумеется, говоря за них перефразами из Священного Писания, святоотеческих сочинений или житий. Периодически создавалось впечатление, что проповедь — это не монолог и даже не диалог с паствой, а многоголосый разговор. Подобное сближение проповеди с театром было, в целом, закономерным следованием в русле стилистики эпохи барокко, в которой элементы театрализации пронизывали все области жизни²⁰.

Ростовский святитель мастерски перенял «разговорную» манеру проповеди Млодзяновского, время от времени задавая вопросы, вызывающие любопытство в слушателях и отыскивая некие недоумения в словах и поступках действующих лиц Священной истории, естественно, подлежащие разъяснениям по ходу повествования.²¹ Эти приёмы помогали завоевать внимание слушателей и ставили их перед необходимостью постигнуть, о чем идет речь в проповеди. «Диалог» со святыми стал одним из основных творческих приёмов святителя Димитрия, его в той или иной форме можно встретить почти в каждой проповеди, а в некоторых поучениях он становится основным структурным элементом²².

Св. Димитрий Ростовский, обладавший, как это видно из его переписки, веселым характером от природы, неизменно растворял свои проповеди лёгкой иронией. Если Млодзяновский беспрестанно шутил и нередко утрачивал чувство меры в остротах, о чём, по всей видимости, сам сожалел²³, то проповеди святителя Димитрия всегда гармоничны. У него, если выразиться образно, есть улыбка, порой печальная, но нет смеха и тем

¹⁹ Димитрий Ростовский, свт. Проповеди и поучения. С. 708.

²⁰ Софронова Л. А. Указ. соч. С. 55–56.

²¹ Там же. 1871. Т. 2. С. 190–191.

²² См. напр.: Димитрий Ростовский, свт. Проповеди и поучения. С. 406.

²³ Мацеевич Л. Указ. соч. 1870. Т. 3. С. 514–515.

паче гогота польских эпигонов Млодзяновского. Зато в простоте изложения Ростовский святитель вполне следует манере иезуитского гомилета, так что в его проповедях мы встречаем именование апостолов «дворянами Божиими», Семя — «простым неким Иерусалимском мужиком», упоминание о Завудонском и Неффалимском «уездах»²⁴, наряду с прочими «осовремениваниями» библейских реалий.

Барочный реализм у святителя не ограничивается подобными «натуралистичными» подробностями, но проявляется и в «реализме сверхъестественного», тем самым зрительный образ становится как бы основой проповеди.²⁵

Перед глазами слушателей в ярких образах раскрываются картины мироздания. Здесь и грядущая геенна с тёмным огнём, наполненная грешниками, как кошелек деньгами, и прекрасная лестница ангельских чинов²⁶, и поразительный предвечный чертог, где двадцать четыре старца перед Агнцем подобны сенаторам, а ангельским хором управляет архангел Гавриил, отбивая такт неувядающей лилией²⁷. Земной мир же предстаёт не только в лицах людей, но и животных: медведей, свиней, голубей и змиев, которые для владыки чаще выступали символами духовных состояний, подобно тому, как это отражено в творениях восточных отцов-аскетов, чем классическими аллегориями, подлежащими эмблематическому толкованию²⁸.

Таким образом, мы видим, что в своих проповедях св. Димитрий Ростовский широко использует художественные средства искусства барокко. Обобщая, мы можем сказать, что цель применения всех этих приёмов всегда была одной и той же — сделать так, чтобы паства поняла, уразуме-

Двадцать четыре старца перед престолом Божиим. Иллюстрация к гл. 4 книги Откровения Иоанна Богослова. Миниатюра из Чассослова герцога Беррийского. Франция. XV в.

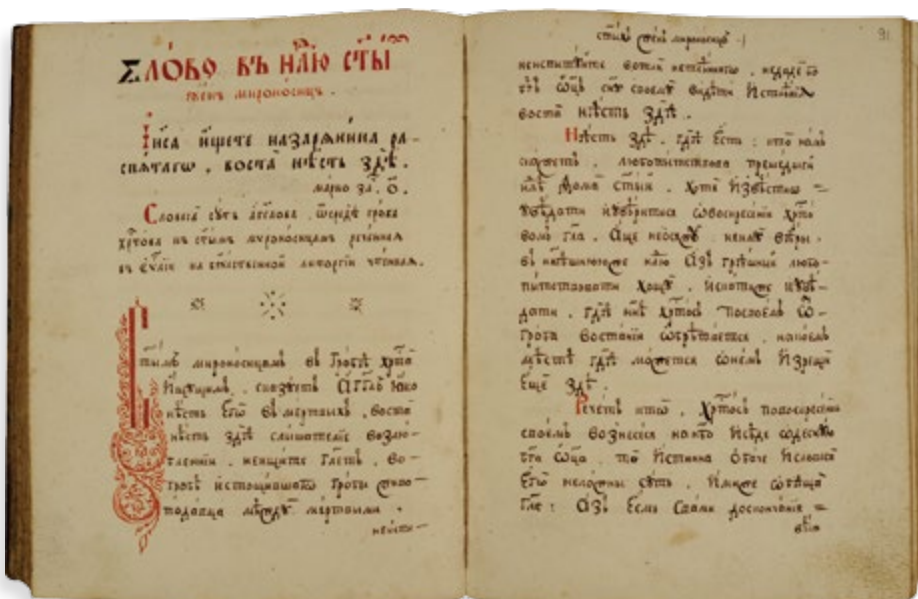
²⁴ Мацеевич А. Указ. соч. 1871. Т. 2. С. 362.

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Димитрий Ростовский, свт. Сочинения. Т. III. С. 261.

²⁷ Там же. С. 471–473.

²⁸ Зубов В. П. Указ. соч. С. 28.

«Святитель Димитрий Ростовский. Проповеди». Вторая половина XVIII в.
Из собрания рукописных книг архимандрита Леонида Кавелина. Фонд Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

ла, в чём состоит православная вера. Потрясающие воображение образы и парадоксы концептов были призваны достичь разума слушателей и заставить их задуматься над содержанием проповедей, которое было весьма глубоким.

Подводя итог, можно сказать, что основной целью применения «внешних знаний» в творчестве святителя Димитрия было насыщение «глада слова Божиего» через истолкование Священного Писания. Последние достижения европейской гуманитарной учёности, нашедшие своё выражение в трудах иезуитов-экзегетов, помогали полнее понять смыслы Библии. В то же время барочное искусство предоставляло многообразные художественные средства, которые позволяли сделать проповеди яркими, содержательными и доступными для понимания всей паствы, вынести слова Священного Писания, равно как и Священного Предания, из тиши келий и сделать их достоянием всего православно-го народа.

